

был молод, русые, а под старость уже седые волосы; лицом же был бел и в молодости красив» [Петухов 1870: 45: 236].

«Ведомости» поддерживают в сознании читателя представление о Н.А. Абрамове как заметной фигуре сибирской культуры. Не забывая своего сотрудника, в двадцатипятилетние со дня смерти публикуют биографическую заметку «Памяти Н.А. Абрамова»(1895), в которой подчеркивается значение Тобольска как родной земли, дающей жизненные и творческие силы.

Таким образом, на протяжении всей истории издания газеты на страницах «Тобольских губернских ведомостей» формируется определенный тип местного просветителя. Сохраняя преемственность изображения этих образов, газета мифологизирует и популяризирует личность литературного деятеля Сибири.

Литература

1. Памяти Н.А. Абрамова // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 35. С. 614-617.
2. Петухов Ф. [Сулоцкий А.И.] Биография Николая Алексеевича Абрамова // Тобольские губернские ведомости. 1870. № 39. С. 196-197; № 40. С. 203-204; № 41. С. 210-211; № 42. С. 217-218; № 43. С. 223-224; № 44. С. 230-231; № 45. С. 236.

Н. В. Лабунец, г. Тюмень

К ПРОБЛЕМЕ НАПРАВЛЕННОГО ПОИСКА ДИАЛЕКТНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Исследователи, изучая диалектную ситуацию последней четверти XX в., констатируют, что современные говоры не содержат всего набора важнейших структурных признаков диалекта предшествующих периодов. Состав народной географической терминологии, отличающейся, по сравнению с другими лексическими группами, наибольшей устойчивостью в силу устойчивости обозначаемых географических реалий, также претерпел значительные изменения. В этой связи на практике при сборе материала в полевых условиях возникает ряд трудностей, связанных, во-первых, с поиском диалектных «географических» фактов, зачастую архаичных; во-вторых, с проблемой отграничения данного денотативного класса от смежных явлений: топонимии (микротопонимии) и лексических окказионализмов — конкретной (предметной) лексики говора, использующейся в метафорических целях для окказионального обозначения географических объектов.

В условиях современной диалектной ситуации, характеризующейся «процессами деградации русской деревни и соответственно русских народных говоров» [Матвеев 1995: 48], необходимо использовать специальные методики, позволяющие максимально полно собрать материал. «Именно поэтому наряду с обычными путями фиксации диалектного материала необходимо пополнение лексических картотек направленным сбором различных терминологических систем с предварительным изучением вопроса об их устойчивости и тенденциях развития, связанных со стиранием диалектных различий» [Матвеев 1995: 49].

Метод направленного поиска диалектного материала, разработанный Уральской топонимической экспедицией, предполагает моделирование различных ситуаций, способствующих выявлению новых лексических фактов, находящихся в пассивном запасе. В частности, перед собирателем стоит задача организации условий для оживления в памяти информанта прежнего лексикона [Рут 2004: 134].

При полевых работах нами применялась методика направленного сбора материала с использованием топонимических данных. Для вторичных территорий, где шел постоянный приток населения, характерен процесс внутреннего перераспределения земель, что неизбежно приводило к спорам по поводу «отобрания» земельных наделов, сенокосов и т.д. [Балюк 1997: 154]. В этих условиях топоним зачастую становился маркером «своего» и «чужого» места, поэтому в многочисленных межевых делах подробно фиксируется топонимия (микротопонимия). Например, в деле о размежевании волостей Аромашевской и Кизакской от 24 мая 1901 г. дано предписание топографу Бородатову: «Следует точно заснять следующие контуры ... пахотное поле, солонец, лес, лес по болоту, озерки ... При съемке прошу Вас отмечать 1) названия урочищ, по возможности с обозначением, какому обществу крестьян таковые принадлежат, 2) места водопойных колонок с обозначением их названия ... 3) пересечения с границами сенокосных участков. В восточной части дачи сенокос разбит временно на 4 части, или как они называют, на 4 столба вдоль ея. Каждый столб имеет свое название, так что отметить таковых пресечений не представит затруднения» [ГАТО Ф. И-48 оп.1 № 317 л. 89 об.].

Топографические описания земельных наделов XVII — XIX вв. содержат различные микротопонимы, в том числе и восходящие к утраченным в современных говорах географическим терминам, но восстанавливаемым при «оживлении памяти» информанта. Например, топоним *Тягун*, болото, засвидетельствованный в Ялуторовском округе в 1906 г. [ГАТО Ф И-48 оп. 1 № 1366 л. 8], в результате «напоминания» был восстановлен как термин не только на территории современного Ялуторовского, но и Вагайского районов. Ср. *Тягун*. Заболоченная низина вытянутой формы. *Тягун как болото длинное, тянется, продолговатое по длине. Оно не короткое, долго по ему идти. Тягун и не в материк, и не в болото не переходит. Чижало по тягуну идти.*

Полевые наблюдения показывают, что «свои» и «чужие» названия до сих пор хранятся в народной памяти, поэтому знание собирателем «старой» топонимической системы, зафиксированной различными, прежде всего архивными, источниками, оказывается весьма значимым в работе с информантами. Обращение к архивным топографическим данным имеет еще одно преимущество: позволяет соотнести «старое» географическое название со «старой» формой географического объекта, особенно тельмографического, изменившегося в результате интенсивных мелиоративных работ.

При использовании в полевых условиях «старой» топонимии реализуется «принцип максимальной конкретности, предполагающий детальное знакомство собирателя с местными реалиями» [Рут 2004: 134]. Включенность в предшествующую топонимическую ситуацию, как показывают наши наблюдения, помогает информанту воссоздать утрачивающиеся звенья не только топонимической, но и геотерминологической системы.

Разумеется, из множества исторических фактов, известных исследователю, информант воспроизводит лишь некоторые, но такие слова представляют особый интерес для лингвистики. Например, локальный географический термин *начибей* был выявлен в результате направленного поиска. При первичном опросе информантов Вагайского района с использованием метода непосредственного наблюдения слово *начибей* не было названо, вспомнить слово одному из информантов позволил «оттопонимический» принцип.

Однако нельзя не учитывать и тот факт, что на информанта может быть оказано определенное «топонимическое давление», поэтому реальность существования воспроизведенного информантом термина требует специальных обоснований. В случае с *начибей* информант воспроизвел условия функционирования слова, его семантические характеристики, территориальную приуроченность, показал его вхождение в состав ряда топонимов. Кроме того, в дальнейшем факт наличия архаичного термина подтвердили информанты двух других населенных пунктов.

Вопрос о соотносительности «старого» топонима и выявленного методом направленного поиска «нового» апеллятива всегда требует дополнительных изысканий, но если локальные привязки, указанные информантом, совпадают с локализованностью топонима, зафиксированного в письменных источниках, то это увеличивает степень надежности реконструкции.

При использовании метода направленного поиска в контактных зонах следует учитывать, что «архивное» слово может быть по-разному представлено в русских и иноязычных говорах — как топоним и как термин, может быть привязано к разным объектам. Так, в русских говорах региона *начибей* предстает как термин, обозначающий определенные участки болота, в тюркских — как топоним.

В современных условиях географический термин может не только переходить в пассивный запас, но и безвозвратно утрачиваться. Иногда единственным свидетельством бывшего существования термина служит топонимия, хотя в лексике говоров термин окончательно забыт. Историко-лингвистическое изучение словарного состава говоров требует, чтобы исходный набор лексем, хотя бы в его основных чертах, был реконструирован. Данное положение особенно актуально в исследовании аспектов исторического контактирования, поскольку позволяет проследить не только динамику, но и направления этноязыкового взаимодействия. В этом случае для достижения цели — выявление исходного набора геолексем — используется метод внутренней реконструкции.

Внутренняя реконструкция, понимаемая как комплекс специальных приемов и процедур исторического языкознания с целью восстановления языковых форм путем сравнения соответствующих единиц отдельного языка, функционировавших в разные периоды его развития [Богачева 2003: 7], дает возможность выявить лексический инвентарь исходной базы начала складывания старожильского говора. Подчеркнем, что речь может идти о парциальной реконструкции диалектных фактов, поскольку лексико-семантический уровень является системой с открытым списком языковых единиц.

Методические аспекты проблемы лексической реконструкции на уральском и сибирском материале разрабатывались разными исследователями. В.В.Палагина, анализируя исходное состояние томского говора, обосновала направления интерпретации источников, указав, как важнейшие из них ономастические [Палагина 1973]. Непосредственно восстановление географической лексики (терминологии) осуществлялось на уральском и сибирском материале в работах М.В. Богачевой, Л.А. Инютиной, А.К. Матвеева, Е.Н. Поляковой, О.А. Теуш и др. Реконструкция отдельных географических апеллятивов на основе топонимии Тюменской области проводилась Т.А. Барановой, Т.Н. Дмитриевой, М.Н. Нечай, Н.В. Лабунец (Хромовой).

В настоящем исследовании процедура реконструкции тюменской геолексики осуществляется по двум направлениям.

1. Преследуя практическую цель — расширить объем анализируемого материала с тем, чтобы решение вопроса о генезисе тюменской геолексики было бы объективным для всех этапов ее развития, мы привлекали различные источники. Строго говоря, использование архивных документов, топографических, исторических, этнографических, краеведческих и др. описаний XVI — начала XX вв., непосредственно содержащих утраченные геолексические факты, реконструкцией слов не является, хотя, по мнению М.В. Богачевой, извлечение не зафиксированных в говорах, но некогда существовавших в них языковых единиц можно также рассматривать как реконструкцию, понимаемую расширительно. Однако исторические эксерпции требуют специальных обоснований о включении или невключении в предполагаемую систему исходного периода лексемы, засвидетельствованной в тексте. Так, в материалах Географической комиссии 1913 г. встречается приишимский термин *карасу* в значении «гидрообъект родникового образования» [ГАОО Ф. 86 оп. 1 св. 12 № 156 л. 1]. Доказать реальное существование термина в лексике говоров, несмотря на его наличие в ряде источников регио-

нальной письменности, не удалось, хотя на исследуемой территории до сих пор встречаются топонимы типа *Карасу*, оз. [ТФ ГАТО Ф 154 оп. св. №]. Однако доказать, что тюрк. *карасу* «черная вода» было известно в лексике русских говоров в значении, отмеченном в архивном документе, не удалось. Поэтому дальнейшее использование данного термина в материалах тюменской землеустроительной партии может рассматриваться как квазизаимствование через литературный язык (научный стиль).

Решение вопроса о включении / невключении термина, таким образом, напрямую связано с ситуацией воссоздания условий функционирования текста, так как не все слова, имеющиеся в тексте, могут быть автоматически отнесены к исходному фонду говоров.

2. Сопряженность географической терминологии и топонимии служит основанием для реконструкции апеллятивов на базе онимов. Реконструкция географических терминов (апеллятивов) по данным ономастики напрямую связана с проблемой перехода имен нарицательных в собственные и дальнейшим развитием геолексемы в статусе топонима. Топонимическая транспозиция способствует тому, что слово приобретает новые характеристики, соответствующие его новому статусу: «стирается» лексическое значение, но одновременно возрастает коннотативный и ассоциативный потенциал конверсива; усиливается возможность переносов по смежности, способствующая втягиванию слова в новые словообразовательные ряды. При восстановлении утраченных фактов эти положения нельзя не учитывать.

Реинтерпретация, обычно осуществляющаяся на материале микротопонимов, должна удовлетворять одновременно трем следующим условиям:

1) значение мотивирующего слова забыто или толкуется в духе народной этимологии, между тем такие топонимы обладают высокой частотностью на всем протяжении контактной зоны. Подчеркнем, что далеко не все повторяющиеся топонимы обладают терминологическим значением. Так, на всей русской территории встречается топоним *Штаны*. Тем не менее лексема *штаны* не приобретает терминологического наполнения, поскольку может быть приложима к любому объекту, имеющему соответствующую форму: озеро, поле, болото и др. В данном случае речь идет об образной номинации, проявляющейся в топонимических универсалиях;

2) повторяющиеся микротопонимы связываются с одними и теми же объектами (или смежными, установившимися в результате метонимического переноса). Но и в этом случае не все микротопонимы на дотопонимическом уровне обязательно имели терминологический статус, поскольку характер смежности объектов различен. Например, в архивных материалах встречается пять названий рек, включающих слово *Борис*: *Большой Борис*, *Беловский Борис*, *Волковский Борис*, *Крутой Борис*, *Крутенький Борис* [ГАТО Ф. И-48, № 1198]. Однако эти названия нельзя считать повторяющимися и, следовательно, терминологическими, поскольку они относятся к одному и тому же объекту: р. *Борис* с протоками;

3) лексемы, лежащие в основе данной группы микротопонимов, соотносятся с географической лексикой и терминологией других территорий, причем эта связь должна быть ономастологически и семасиологически удовлетворительна, исторически обусловлена. Увеличивает надежность реконструкции соотношенность топонима с историческими источниками, в которых свидетельствуется данное слово (или близкое по фонетическим, структурным и семантическим характеристикам).

В рамках двух указанных направлений нами были выделены две группы географических апеллятивов, отсутствующих в современных старожильческих говорах.

1. На основе изучения исторических, этнографических и др. источников, содержащих топографические описания исследуемой территории конца XVII — начала XX вв., был выявлен пласт географических апеллятивов, часть которых известна в лексике со-

временных говоров, но формально и семантически «исторические» лексемы отличны от современных.

Обнаруженные в текстах XVII — начала XX вв. геолексемы-историзмы распределяются по следующим группам с позиции наличия / отсутствия слова в современных говорах:

а) слово известно в говорах, но при сохранении его формы отличается по значению: совр. *пихтарь* «хвойный лес» ~ ист. *пихтарь* «пихтовая роща» [Патканов II 1999: 272]; совр. *стекло* «окно чистой воды в болоте» ~ ист. *стекло* (мн. *стёкла*) «участки пахотной земли между болотами, лесами» [Патканов II 1999: 280]; по отношению к совр. спектру значений в слове *согра* ранее присутствовало еще одно: «дикое место вдали от жилья» [Патканов 1999: 279];

б) слово известно в говорах, но при общности значения отличается по форме: совр. *искорь*, *искорёнок* «яма, образовавшаяся на месте вывороченного с корнем дерева» ~ ист. *высперь*, *выскур*, *дыскур* «углубление или яма, образовавшаяся от свалки с корнем дерева» [Список 1871]. Ср. «соболи живут в норах падучего дерева под корнем, что называется *дыскурем* ... розсомаги и медведи живут в берлогах или в местах *выскурных*, то есть под корнем падучего дерева» [Описание 1982: 41, 98, 271, 294]; совр. *наволок* «заливной луг» ~ ист. *наволока* с тем же значением [Маляревский 1917: 19]; по отношению к совр. спектру значений в слове *матера* ранее присутствовало еще одно «большой лес вдали от жилищ, тайга» [Патканов 1999: 265];

в) слово (корень) известно в говорах, но отличается по форме и по значению: совр. *зерл`о* «берег, затопляемый во время весеннего разлива» ~ ист. *зёрло* «фарватер реки» [Маляревский 1917: 13]; совр. *улово* «речная старица, разлив на повороте реки, заливной луг на повороте реки» ~ ист. *улов* «обратное течение и водоворот у берегов рек, образуемые при встрече какого-либо залива или речного изгиба. В этих местах собирается много рыбы» [Список 1871];

г) слово (корень) в указанном значении в говорах не зафиксировано: *море* «большое озеро» [Маляревский 1917: 18]; *взморье* «берег большого озера» [Маляревский 1917: 8]; *саз* «тундра» [Список 1871], *услон* «про урман, который образует стену, приблизительно параллельную Иртышу, про лося, идущего вдоль такой стены говорят, что он идет *услонем*» [Патканов 1999: 284].

Употребление в различных текстах географических лексем, совпадающих по форме и значению с современными диалектными, может свидетельствовать об их хронологической глубине. Ср. известные в современных тюменских говорах и засвидетельствованные в конце XVI в. — *сакма* [Миллер 2000], в начале XVII в. — *переволока*, *веретья*, *баирак*, *баярак*, *истока*, *колок*, *паточина* [РГАДА Ф. 214 оп. 5 № 261].

Значительное число старосибирских географических лексем по данным РГАДА относительно XVII в. выявил Л.Г. Панин: *елань* (Тюм, 1653 — 1654), *ляга* (Тюм, 1670), *боарак*, *ерек*, *зимняк*, *липяг*, *перейма*, *повертка*, *подувалок*, *плесо*, *сосняг*, *тундра*, *ярок* (Тоб, 1683), *ялань* (Тюм, 1690), *яланца* (Тюм, 1694), *залев* (Тоб, 1704) [Панин 1985].

2. Вторую группу составляют термины (апеллятивы), восстановленные на основе топонимов. Реконструкция географических терминов по данным микротопонимии осуществлялась на основе полевых материалов, а также фиксаций в текстах различного характера. В результате анализа повторяющихся микротопонимов, соотносящихся с определенными классами географических реалий, не являющихся смежными, выявлены географические термины (апеллятивы), которые ранее могли быть известны в лексике старожильческих говоров Тюменской области.

В зависимости от характера соотнесенности с лексикой других территорий выявляются исходные географические термины (апеллятивы) широкого ареала функционирования и локализации ограниченного распространения.

К географическим терминам широкого ареала функционирования относятся: ⁺⁺*алатиха* (в дальнейшем термины, реконструируемые на основании лексических данных, помечаются знаком ⁺, на основе топонимических данных — знаком ⁺⁺), «низина, болотистое место» ~ *алана* зап.-сиб., вост.-сиб. «займище, пойма», юж. «плавни, обширные поймы с камышами, зыбуном, кочкарником» [Даль 1989: 10], *алап* ср.-приирт. «низкий болотистый луг, пойма, пойменный луг» [Аникин 1996], ср. тюм. топоним *Алатиха* (трижды встречается в названии болот в Аромашевском и Вагайском районах)

К этой группе примыкают термины, соотносящиеся с севернорусским и уральским регионами. Так, в названиях полей Т.Н. Дмитриевой на территории Уватского района выявлен термин ⁺⁺*пентус*, ср. *Косые Пентусы*, *Прямые Пентусы*; в названиях заболоченных мест М.Н. Нечай на территории Вагайского района выявлен термин ⁺⁺*ворга*.

Некоторые из реконструированных терминов, по-видимому, являются исключительно тюменскими или локально ограниченными. Так, *бурень* встречается только в сиб. (омск.) говорах, ср. тюм. ⁺⁺*бурень*, *буриан* «глухое озеро без истоков», который встречается только в названиях озер: *Старый Буриан*, *Б. и М. Буриан*, *Бурьян*, *Буранец*, *Буренский Сор* в разных районах Тюменской области.

В результате проведенной реконструкции было уточнено значение и формы у 89 геотерминов, выявлено 56 географических терминов, вышедших из употребления (или перешедших в пассивный запас) в лексике старожильческих говоров Тюменской области.

Литература

1. Аникин А.Е. К изучению заимствованной лексики в русских говорах Сибири. Этимологические исследования: Материалы I-II науч. совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10-12 октября 1991 г.; 17-19 апреля 1996 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 6. С. 62-72.
2. Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI — XIX вв. / Отв. ред. Н.Л. Коньков. Тобольск, 1997.
3. Маляревский Г.Я. Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1917. Вып. 28. С. 1-34.
4. Матвеев А.К. «Словарь говоров Русского Севера» и некоторые вопросы диалектной лексикографии // Известия Урал. ун-та. 1995. № 4. С. 46 — 51.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е, дополненное. М.: Восточная литература. РАН, 2000.
6. Панин Г.Л. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII — первая половина XVIII в.) / Отв. ред. Федоров А.И. Новосибирск: Наука, 1985.
7. Палагина В.В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): Автореф. дис. д-ра филол. наук. Новосибирск, 1973.
8. Патканов С.К. Очерк колонизации Сибири. Т. 2. / Под ред. Пархимовича С.Г. / Сост. Мандрика Ю.Л. Тюмень: Изд-во Ю.Мандрика, 1999.
9. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов. Тобольская губерния / Обработан Зверинским В. СПб, 1871.
10. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982.